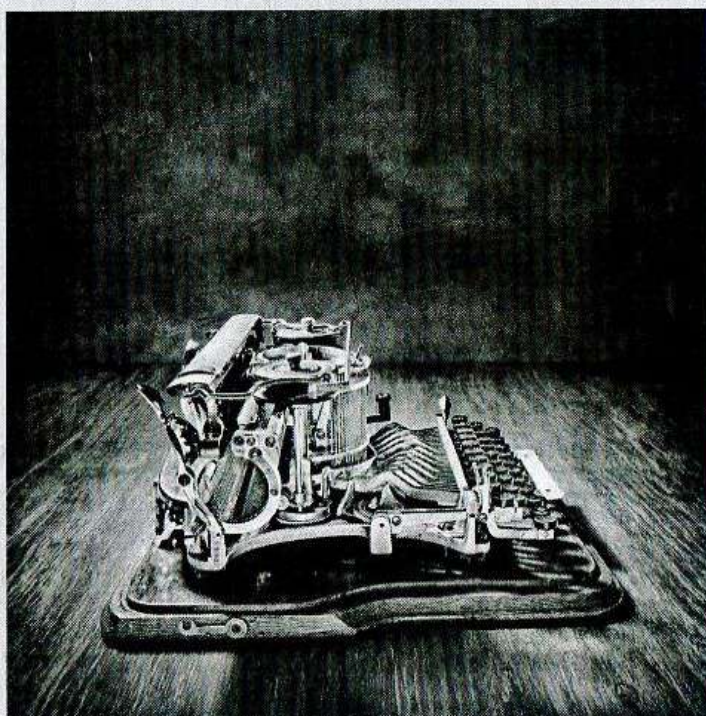

Содержание

Изнурительные три недели	9
Сочельник 1953-го	45
Промотур в Городе Света	71
Сегодня в нашем городе с Хэнком Файзетом.	
Слон в печатной лавке	95
Добро пожаловать на Марс	99
Месяц на Грин-стрит	121
Алан Бин плюс четыре	153
Сегодня в нашем городе с Хэнком Файзетом.	
Вылазка в Большое Яблоко	166
Кто есть кто	171
Особенные выходные	197
Здесь думы сердца моего	233
Сегодня в нашем городе с Хэнком Файзетом.	
Возвращение из возвращения в прошлое	250
Нас манит прошлое	255
Лучший отдых — у нас!	295
Спросить Костаса	349
Сегодня в нашем городе с Хэнком Файзетом.	
Ваша бескорыстная Эсперанса	382
Стив Вонг — идеал	387
Благодарности	407
Примечания. <i>Е. Петрова</i>	408

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

Изнурительные три недели

День 1-й

Анна сказала, что единственное место, где можно выбрать для Эм-Дэша подарок со смыслом, — это «Антикварный рай», не столько кладовая сокровищ, сколько постоянно действующая барахолка в бывшем кинотеатре «Люкс». До появления кабельного ТВ, «Нетфликса», а также сотни с лишним торговых развлекательных центров, из-за которых обанкротился «Люкс», я частенько захаживал в это некогда великолепное здание посмотреть новый фильм. Теперь там рядами тянутся прилавки, с которых продают псевдоантиквариат.

Наш М. Д. готовился к получению американского гражданства; это событие обещало стать знаковым и для него, и для нас. У Стива Вонга бабушка с дедом натурализовались в сороковые годы. Мой отец в семидесятых бежал из Восточной Европы, от зарвавшегося коммунистического режима, а предки Анны в свое время на драккаре пересекли Северную Атлантику, чтобы в Новом Свете поразвлечься грабежом и разбоем. Согласно семейному преданию, именно они первыми ступили на остров Мартас-Винъярд.

Мохаммед Даякс-Абдо, по прозвищу Эм-Дэш, готовился к превращению в стопроцентного американца, и по такому случаю мы решили подарить ему что-нибудь винтажнo-патриотическое, связанное с наследием и духом его новой родины. Во втором торговом зале мне приглянулась детская ручная тележка фирмы «Радио-флаер» — идеальная, с моей точки зрения, штука.

— Эту тележку, — сказал я ребятам, — он сможет передать своим американским детям.

Но Анна не захотела покупать первый попавшийся предмет старины. Пошли мы дальше. Я приобрел американский флаг сороковых годов — на нем было всего сорок восемь звезд. Флаг этот должен был напоминать Эм-Дэшу, что принявшая его страна не останавливается в своем развитии, что каждому честному гражданину найдется место на ее благодатных землях, как новым звездам находится место на синем поле в обрамлении красных и белых полос. Анна мою покупку одобрила, но сама продолжала высматривать что-нибудь особенное. Ей хотелось найти нечто уникальное, единственное в своем роде. По прошествии трех часов она согласилась, что детская тележка «Радио-флаер» — неплохой, в сущности, вариант.

Когда я выруливал с парковки на своем микроавтобусе «фольксваген», зарядил дождь. До моего дома мы тащились еле-еле, потому что старые «дворники» оставляли потеки на лобовом стекле. Ненастье бушевало до вечера, и Анна зависла у меня, слушая древние мамины кассетные сборники (которые я давно перегнал на диски) и в промежутках между *Pretenders*, *O'Jays* и Тадж-Махалом потешаясь над эклектичными вкусами моей мамы.

— А у тебя есть хоть какая-нибудь музыка последнего двадцатилетия? — спросила Анна, когда Игги Поп запел «Real Wild Child»¹.

Я приготовил буррито со свиной. Анна пила вино. Я пил пиво. Не сводя глаз с моей малогабаритной печурки, Анна приговаривала, что именно так ощущали себя первые колонисты в прериях. За окном совсем стемнело, а мы сидели на диване, и единственными источниками света были язычки пламени да индикаторы звукового сигнала моей стереосистемы: то зеленые, то оранжевые, изредка красные. Сквозь ливень полыхали далекие зарницы.

— А знаешь что? — обратилась ко мне Анна. — Сегодня воскресенье.

— Знаю, — ответил я, — естественно. Я живу сегодняшним днем.

— Я тобой восхищаюсь. В тебе есть ум. Заботливость. Непринужденность, граничащая с расхлябанностью.

— Похвалила, нечего сказать.

— Заменяем «расхлябанность» на «вальняжность», — сказала она, потягивая вино. — Короче, ты мне нравишься.

— И ты мне. — Тут я подумал, что такой разговор может завести куда угодно. — Ты со мной флиртуешь?

— Вообще нет, — ответила Анна, — я делаю тебе предложение. Почувствуй разницу. Флиртовать — это все равно что забрасывать удочку. То ли клюнет, то ли нет. А предложение — это первый шаг к заключению сделки.

Чтобы вы понимали: мы с Анной знакомы со школьной скамьи. (Да здравствует День святого

¹ «В натуре дикая детка» (англ.).

Антония! Вперед, «Крестоносцы»!) Любовь никогда не крутили, но принадлежали к одной тусовке и относились друг к другу с симпатией. Несколько лет я учился в колледже, еще несколько лет ухаживал за больной матерью, затем получил лицензию и какое-то время изображал из себя агента по недвижимости. В один прекрасный день Анна пришла ко мне в офис, чтобы подыскать офис для себя, — она собиралась открыть бюро по дизайну интерьеров, а я оказался единственным агентом, кому она доверяла, поскольку в свое время у меня были отношения с ее подругой и, когда мы разбежались, я не сказал о той девушке ни одного худого слова.

Анна не утратила своей привлекательности. Вся тонкая, крепкая, как канат, — такими бывают триатлонистки, а она, кстати сказать, и занималась в юности триатлоном. Так вот, я целый день показывал ей имевшиеся на тот момент офисные помещения, но ни одно, по непонятным для меня причинам, ее не устроило. В ней — совсем как в школьные годы — чувствовались целеустремленность и сосредоточенная въедливость. Анна не упускала ни одной мелочи, совала свой нос в каждый угол, что-то высматривала, делала записи, указывала, где требуется заменить фурнитуру. Повзрослевшая Анна меня напрягала. Повзрослевшая Анна меня не привлекала, равно как и Анна в юности.

Занятно, что при этом мы с нею теперь — не разлей вода, намного ближе, чем в юные годы. Я — эталонный увалень-одиночка: могу сутки напролет бить баклуши и потом не пожалеть ни об одной потраченной впустую секунде. Да что там говорить: продав мамин дом и выгодно разместив денежные средства, я вообще отказался от своего офиса, служившего мне толь-

ко для видимости, и выбрал для себя Наилучший Образ Жизни. Если у меня скапливается несколько загрузок белья, а по телевизору показывают хоккей, приятный вечерок мне обеспечен. Пока я, не суетясь, сортирую белое и цветное, Анна декорирует свою мансарду сухой штукатуркой, разбирается с налогами, готовит домашнюю пасту по собственному рецепту и создает онлайн-магазин для торговли подержанной одеждой. Спит она урывками, от полуночи до рассвета, и с самого утра пашет на всю катушку. А я, к примеру, сплю, куда спится, и хоть трава не расти, да еще каждый день ровно в 14:30 должен часок подремать.

— Я сейчас тебя поцелую, — объявила Анна.

Сказано — сделано.

Раньше между нами ничего не было: ну, могли при встрече коротко обняться и чмокнуть друг друга в щечку. Но в тот вечер она предлагала мне новую версию себя, и от растерянности я оцепенел.

— Ну-ка, расслабься, — зашептала она и обняла меня за шею; от Анны чертовски приятно пахло, а на губах оставался привкус вина. — Сегодня ведь Шаббат. День отдохновения. Мы трудиться не собираемся.

Последовал еще один поцелуй, но на этот раз я уже стряхнул оцепенение и проявил кое-какую инициативу. Мои руки сами собой обхватили ее за талию и крепко прижали. Прильнув друг к другу, мы слегка размялись. Каждый нашел губами шею другого, а потом и рот. От таких поцелуев я уж год как отвык — с тех самых пор, когда роковая подруга Мона не просто меня бортанула, но еще и прихватила всю наличность из моего бумажника. (Мона была с гнильцой. Но целовалась сказочно.)

— Bravo, котик, — выдохнула Анна.

— Шаббат шалом, — выдохнул я в ответ. — Столько лет потеряли.

— Думаю, нам пора стать ближе, — прошептала Анна. — Раздевайся.

Так я и сделал. А когда она и сама осталась без одежды, я погиб.

День 2-й

В понедельник мой завтрак состоял из гречневых блинчиков, сыровяленой колбасы чоризо, большой миски ягод и *свежесваренного* кофе. Анна откопала у меня в кладовке травяной чай, съела крошечное блюдечко орехов, предварительно измельченных кухонным топориком, и по счету добавила к своему питательному завтраку девять черничин. У меня язык не поворачивается сказать, что у нас был голый завтрак, — оставим это для каких-нибудь нудистов, — но по факту мы выбрались из постели без малейшего смущения.

Одеваясь перед уходом на работу, Анна сообщила, что мы должны записаться на курсы дайвинга.

— Это обязательно? — переспросил я.

— Конечно. И получить сертификаты, — ответила она. — Кроме того, тебе понадобится спортивный костюм. Кроссовки для бега, кенгурушки. Пройдись по «Футлокеру» в торговом центре «Арден». И бегом ко мне в офис — пообедаем вместе. Захвати с собой тележку и флаг для Эм-Дэша — я их упакую.

— Заметано, — сказал я.

— Ужинаем сегодня у меня дома, посмотрим какой-нибудь документальный фильм, а потом — как вчера, только в моей постели, а не в твоей.

— Заметано, — повторил я.

День 3-й

В конце концов Анна сама затащила меня в «Футлокер», где вынудила перемерить пять пар обуви (мы остановились на кроссовках для бега по пересеченной местности) и четыре найковских спортивных костюма — штаны с кенгурушкой. Покончив с делами, мы закупили еды и напитков для чествования Эм-Дэша, которое, по мысли Анны, следовало организовать у меня.

Около полудня Эм-Дэш стоял на поле «Спортивной арены» в числе 1600 без пяти минут американцев и, подняв правую руку, присягал на верность Америке: новоиспеченным гражданам предстояло уважать, отстаивать и защищать Конституцию, которой они теперь подчинялись в той же мере, что и президент Соединенных Штатов. Стив Вонг, Анна и я сидели на трибуне, наблюдая, как проходит натурализация моря иммигрантов всех цветов кожи, коими богат род человеческий. Зрелище было неопишное, и нас, всех троих, захлестнули эмоции — в особенности Анну. Та расплакалась, зарывшись лицом мне в грудь.

— До чего же... до чего... красиво, — всхлипывала она.

Отпросившиеся с работы парни из магазина стройтоваров «Хоум депо», где трудится Эм-Дэш, завалились ко мне домой с кучей американских флагов, купленных со скидкой по карте персонала. Стив Вонг запустил караоке, и мы уговорили Эм-Дэша пропеть все песни, где упомянуты американцы. «American Woman»¹. «American Girl»². Потом «Spirit

¹ «Американская женщина» (англ.).

² «Американская девушка» (англ.).

of America»¹ от *Beach Boys* (это на самом деле про автомобиль, но Эм-Дэша мы все равно дожали). В детскую тележку «Радио-флаер» загрузили лед и вшестером воткнули туда американский флаг, как морские пехотинцы в песках Иводзимы. Роль первого плана отвели Эм-Дэшу.

Веселье затянулось; когда в небе вошла луна, мы, оставшись уже вчетвером, слушали, как пощелкает и хлопает на ветру наш звездно-полосатый. Стоило мне откупорить очередную банку, извлеченную из тележки со льдом, как Анна выхватила пиво у меня из рук.

— Притормози, котик, — велела она. — Когда эти двое разойдутся по домам, ты должен быть в хорошей физической кондиции.

Стив Вонг и Эм-Дэш засобирались на выход только через час. Новоявленный гражданин Америки распевал «A Horse With No Name»² (команды *America*). Когда машина Стива скрылась за поворотом, Анна взяла меня за руку и повела на задний двор. Там она бросила на мягкую траву несколько подушек, мы легли, начали целоваться, а потом... ну, сами понимаете... проверили мою физическую кондицию.

День 4-й

Анна, которая бегает трусцой, когда появляется возможность уложить несколько миль в сорок минут, вознамерилась навязать эту привычку и мне. Потащила меня на один из своих маршрутов — поспирали в гору Виста-пойнт и обратно. Давай, гово-

¹ «Дух Америки» (англ.).

² «Безымянная лошадь» (англ.).

рит. И рванула вперед, чтобы потом дожидаться внизу, зная, что мне с ней никогда не сравняться.

Я занимаюсь спортом исключительно по настроению. Изредка сажусь на старый трехскоростной велик, чтобы сгонять в «Старбакс», могу покидать летающую тарелку (было дело, входил даже в некую фрисби-лигу). Сегодня утром — Анны уже и след простыл — пыхчу я на грунтовой тропе, а новые кроссовки нещадно жмут (это мне урок: брать нужно на полразмера больше). Кровь циркулирует как бешеная, шея и плечи затекли, в висках стучит. Анна уже несется вниз с Виста-пойнт и на бегу аплодирует:

— Bravo! Для первого раза неплохо.

Я развернулся — и за ней.

— У меня бедра горят, как в огне!

— Они бунтуют, — объяснила Анна. — Со временем покорятся.

Пока я мылся в душе, Анна провела реорганизацию у меня в кухне. Оказывается, кастрюли и крышки хранились не на тех полках, а ящик для столовых приборов был в самой дальней тумбе; почему не ближе к раковине? Я затруднился с ответом.

— Собирайся. На дайвинг опаздывать нельзя.

В школе подводного плавания пахло резиновыми гидрокостюмами и хлоркой. Заполнив необходимые бланки, мы получили учебные пособия, а также листки с расписанием теоретических занятий и возможными датами итогового заплыва в открытом море. Анна записала нас на воскресенье, до которого оставалось четыре недели, и забронировала места на катере.

Пообедали мы в салат-баре «Вива верде», где нам подали салаты, приготовленные из всевозможной салатной зелени и украшенные листьями салата; после обеда мне захотелось пойти домой и прикорнуть.